

Михин Максим Юрьевич

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Необходимая оборона как обстоятельство, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния

Аннотация. В статье речь идет о разграничении правомерного и преступного поведения. Действия в сфере реализации права на необходимую оборону по внешним признакам напоминают преступные деяния, что вызывает серьезную проблему в практической деятельности правоприменительных органов и разграничении правомерного и преступного поведения лица, применившего меры самозащиты.

Ключевые слова: Необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; обстоятельства, исключаящие преступность деяния; правомерность обороны, правомерное причинение вреда.

Одной из сфер, где возникают острые противоречия интересов человека, общества и государства, является сфера разграничения правомерного и преступного поведения. Отдельные индивиды, а также уполномоченные государством лица нередко вынуждены совершать действия, связанные с правомерным причинением вреда ценностям, которые охраняются уголовным законом.

Необходимая оборона представляет собою один из древнейших институтов уголовного права, поскольку возможность причинить нападающему вред ради сохранения собственной жизни, здоровья и имущества, а также для защиты третьих лиц, является таким же «естественным» правом, как право на жизнь или право собственности.

Поэтому уголовное законодательство должно, казалось бы, предоставлять обороняющемуся самые широкие возможности для отпора преступному посягательству, сохраняя лишь минимальные ограничения, призванные предотвратить злоупотребление этим правом. Гуманизм по отношению к преступнику необходим и уместен только тогда, когда он находится в руках правоохранительных органов и не представляет опасности для общества, но в момент преступного посягательства обороняющийся, находящийся в заведомо худших условиях, должен иметь право на использование самых эффективных средств защиты.

Прогрессивная тенденция уголовной политики обеспечила возможность законодательного закрепления в качестве абсолютного права необходимой обороны (ч. 1 ст. 37 УК РФ) [1]. Из института необходимой обороны против опасного для жизни нападения изъят существовавший ранее ограничительный критерий защитных действий, что дает возможность гражданам всем и способами осуществлять самозащиту от посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой применения такого насилия [7, с. 16].

Несмотря на большое количество научных исследований, применение института необходимой обороны вызывает многочисленные вопросы на практике и в теории права. Вопросы определения круга возможных объектов защиты и пределов таковой не теряют актуальности. Будучи естественным по своей природе и конституционным по сути, право на необходимую оборону не должно превращаться в самосуд, но и не должно ограничиваться в ущерб лицу, защищаемому законные права и интересы. Бесспорно, «оборона не может быть беспредельной» [4, с. 29], но именно установление соразмерности объектов защиты и нападения вызывает наибольшие трудности в правоприменительной практике.

Поскольку действия в сфере реализации права на необходимую оборону связаны с причинением вреда и по внешним признакам напоминают преступные деяния, серьезную проблему в практической деятельности

правоприменительных органов вызывает разграничение правомерного и преступного поведения лица, применившего меры самозащиты. В этой сфере возникают наиболее острые противоречия между интересами обороняющегося и уголовным законом. Уголовное законодательство, регламентируя основания реализации права на необходимую оборону, требует соблюдения целого ряда условий, относящихся к посягательству и защите, а определение возможного превышения пределов необходимой обороны основано на оценочных критериях и в итоге является прерогативой суда. Не существует определенных стандартов оборонительного поведения, поскольку требования, предъявляемые к действиям в состоянии необходимой обороны, до настоящего времени не урегулированы должным образом в уголовном законодательстве и вызывают дискуссии в уголовно-правовой доктрине, следственной и судебной практике [2, с. 6].

Сложившаяся ситуация отчасти обусловлена тем, что решение важного вопроса о наличии правомерной необходимой обороны или превышения ее пределов основано на оценочных юридических категориях и потому представляет на практике определенную сложность.

Различные позиции ученых показывают, что они свое внимание полностью сосредоточили только на значительности ущерба правоохраняемым интересам. Ими не в полной мере учитываются как в целом юридическая природа поведения субъектов обороны, так и состав необходимой обороны, закрепленный в уголовном законе как модель общественно полезного и социально одобряемого, а также политически значимого поведенческого акта.

Субъект необходимой обороны осознает, что поведение нападающего противозаконно, общественно опасно, виновно. Поведение же субъекта необходимой обороны общественно полезно и социально одобряемо, данное обстоятельство им осознается. Лицо, которое своим противоправным поведением создало условия субъекту для необходимой обороны (при выполнении последним всех требований, содержащихся в ст. 37 УК РФ), ставит себя в положение, которое можно определить как «вне закона». Иными

словами, можно сказать, что лицо, совершая противоправное посягательство, тем самым умышленно создает такие условия, при которых государство отказывает ему в уголовно-правовой охране и защите.

Л.Д. Гаухман также полагает, что при необходимой обороне «охраняется уголовным законом лишь личность обороняющегося и допускается причинение вреда личности посягающего, которая, следовательно, этим законом не охраняется» [3, с. 71]. По мнению В.В. Меркурьева, при необходимой обороне «нападающий, сознательно преступая порог дозволенного обществом и государством, выводит себя из-под защиты закона со всеми вытекающими из этого правового положения последствиями» [5, с. 79-80].

В связи с этим представляется спорной трактовка В.В. Ореховым предписаний о необходимой обороне, в соответствии с которыми посягающего следует рассматривать в качестве потерпевшего [6, с. 77]. К такому мнению ученый приходит, исходя из текста ч. 1 ст. 37 УК РФ, где указано: «Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите...» На наш взгляд, с подобным толкованием правового предписания о необходимой обороне согласиться крайне сложно. В этой части правовой нормы законодатель указывает на правомерное причинение ущерба охраняемым законом интересам и благам, которые выведены из-под охраны уголовного закона на то время, когда готовится, либо осуществляется преступное посягательство. Иное трактование правового предписания о необходимой обороне нарушило бы идейное содержание рассматриваемой правовой нормы, а поэтому посягающее лицо не может рассматриваться в качестве потерпевшего.

© Признак общественной опасности – это материальный признак, и оценке он подлежит с учетом всех объективных и субъективных критериев поведенческого акта. В отношении задерживаемого можно также сказать, что он в момент своего противоправного общественно опасного поведения ставит себя в аналогичное положение, ибо своим общественно опасным, противоправным поведением создает угрозу либо непосредственно посягает на

охраняемые уголовным законом объекты (в случае выполнения субъектом правового предписания, содержащегося в ст. 38 УК РФ). И в этом случае приведенное обстоятельство осознается субъектом причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, как и то обстоятельство, что деяние самого задерживающего общественно полезно и социально одобряемо. Следовательно, лицо, находящееся в состоянии необходимой обороны или причиняющее вред при задержании, относится к своему деянию и его последствиям как к невиновным.

Итак, деяния, совершенные в состоянии необходимой обороны, исключают противоправность и общественную опасность, виновность. Иное толкование юридического значения предписания, закрепленного в ст. 37 УК РФ, будет означать стирание строгих границ между рассматриваемыми непроступными деяниями и преступными посягательствами. Что касается уголовно-правовой ненаказуемости таких деяний, то не следует забывать принцип законности, сформулированный в ст. 3 УК РФ, в соответствии с которым преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом, поэтому ссылка на ненаказуемость рассматриваемых обстоятельств является излишней.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Вольдимарова Н.Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны. М., 2003.
3. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001.
4. Звечаровский И. Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. № 1.
5. Меркурьев В.В. Состав необходимой обороны. СПб., 2004.

6. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 2003.

7. Ситникова А.И. Тенденции уголовной политики, выраженные в нормах главы 8 УК РФ 1996 г. // Российский следователь. 2010. № 9.

© Бюллетень магистранта 2014 год № 5